

**ЖИТИЕ БЛ. МАРИИ ТУРСКОЙ
(УРОЖДЁННОЙ ДЕ МАЙЕ, БАРОНЕССЫ СИЙЕ-ГИЙОМ)**

о. Мартин де Буаготье, духовник блаженной

Maria de Mailliac, Domina de Seilleyo-Guilielmi, Turonibus in Gallia. Vita auctore Martino de Bosco-Gualteri Confessario. // AASS, Martii T III, pp. 737-747

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ МАРИИ, ПРОЯВИВШИЕСЯ В РАННИЕ ЛЕТА И В ЦЕЛОМУДРЕННОМ БРАКЕ ЕЁ

[1] В год Господень 1331-й в четырнадцатый день месяца апреля в [замке] Ла Рош [города] Сен-Кантен епархии Тура родилась в знатной семье девочка, которую при крещении назвали Марией, а при конфирмации – Иоанной. Отцом ей приходился Ардуэн, сеньор де Майе (1285-1340), а матерью – Жанна де Монбазон (ок. 1305–53), бывшая дочерью Марии де Дрё (Мария Бретонская, графиня де Сен-Поль (1268 – 1339); судя по всему, имеется в виду, что Жанна была дочерью внебрачной. – прим. пер.). И отвергла мир сия девочка, просвещённая божественной благодатью, ещё будучи совсем юна. Ибо в шесть лет, как бы в предчувствие своей святости, она, собирая с ровесницами цветы, не оставляла их себе, а преподносила образам святых; и гирлянды роз, которые ей дарили, щедро приносила в дар к образу Пресвятой Девы. Иногда в играх с девочками-однолетками она, сняв свои дорогие и мягкие одежды, надевала рубашки бедняцких дочек. Удивляясь чему, барышня, приставленная к ней для ухода и воспитания, часто говорила: «Эта девочка не представляет себя в будущем королевой». Нечто подобное она часто делала в детские годы, так что не зря считали это явным знамением предстоящей ей бедности.

[2] В том же возрасте она стала учиться грамоте и в короткое так преуспела, что к десяти годам могла ясно и отчётливо читать вслух книги, написанные на народном языке, но, избегая суетного чтива, читала она для утешения своего книги святые. Родителям её это не нравилось, и они, побранивая, влекли её к суетным радостям мира, и не только грубыми словами, но и многими угрозами часто её удручали. Она же, уповая на Господа, украдкой, когда удавалось, посвящала часы молитвам, настойчиво прося Преславную Деву, дабы Сына своего благословенного склонила к жалости, милости и снисхождению.

В возрасте одиннадцати лет, когда она во время торжественной мессы на Рождество Христово благоговейно преклонила колена, то вознеслась над собою и исполнилась божественного утешения, не малого, но безмерного и неопишуемого. Ибо плоть и дух сообща погрузились в Бога; и тягость плоти покинула её, отчего все члены тела служили духу без противления и без усталости, ибо сие божественное утешение было велико и чудесно и долго длилось. Немного позже, предаваясь по обычаю своему молитве, она удостоилась божественного утешения, как бы подобного первому, но несколько короче.

В оную пору явилась ей во сне Богородица Дева, державшая Сына Своего Иисуса Христа, причём в деснице у Неё была кадила, которая, казалось, дымилась от капель драгоценной Крови Христа, Сына Её. Не надмилась она оттого тщеславию человеческим, но, вкусив кротчайшую нежность божественного Страстотерпца, почувствовала в себе ещё более глубокую любовь к Иисусу Христу. А для того, чтобы воспоминание о Страстях Господних запечатлелось в сердце, она носила с собою изображение Распятия, написанное на пергаменте, спрятав его на груди под рубашкой, а иногда держа высоко в руках.

[3] По прошествии краткого времени её постигла тяжкая болезнь, от которой ей не помогала никакая врачебная помощь, но когда мать от её имени дала обет

[совершить паломничество ко] св. Иакову, девочка, обречённая, по общему мнению, на смерть, вскоре полностью выздоровела. Когда прославленный врач, мэтр Николая Шен, увидел это, он сказал во всеуслышание: «Эта девочка сделала что-то хорошее или сделает это в будущем». Поистине это было сказано Духом Святым: «...В будущем», ведь ныне мы видим своими глазами исполнение сего.

Когда Мария восстановила телесные силы, а отец её почил, приготовилась она следовать стезёю подражания Христова. И стала она кротка, смиренна и терпелива сверх человеческих возможностей. Ибо, когда служанки оскорбительно над ней насмеялись, она, всё терпя ради Христа, проходила мимо них, как бы глухая. Усердно слушая слова Божии, она не забывала услышанное, ибо, имея острый ум и живую память, всё сохраняла в ларце сердца своего. Её мать постоянно держала при своем доме духовника из ордена миноритов, который упомянутую девочку часто с помощью Господней укреплял в её святом подвиге словами Писания. Поскольку он был учён и добронравен, его почти каждый день после обеда приглашали в горницу госпожи, и он в присутствии мужчин и женщин читал что-нибудь из Священного Писания, а отроковица из благоговения к слову Божию садилась на пол, чтобы послушать речи его, будучи не забывчивой, но исполнительницею дела, и потому блаженна она будет в своём действовании (ср. Иак. 1:25). Ибо во цвете юности своей она, прилежана постами, бдениями, молитвами и богослужениями, прославляла Господа песнями и славословиями (ср. 2 Мак. 10:38), храня себя незапятнанной от мира (ср. Иак. 1:27).

[4] Когда по исполнении ей двенадцати лет родные и близкие стали вести разговоры о её замужестве, дошло это до слуха её, но, благоразумно скрывая своё намерение сохранить девство, вверилась она Господу во всемирных молитвах, взывая о помощи к Преславной Деве и всем святым. Тут не смолчал её дедушка Бартоломе, сеньор де Монбазон, любивший девочку более всех остальных, а так как он был порядочен и благочестив, то с Божией помощью всё устроил так, что названная Мария избрала себе в мужа барона Робера де Сийи. И неудивительно, что Мария приняла его, ведь она вместе с ним воспитывалась с детства и за него, ещё детским лепетом, молилась Преславной Деве, причём по молитвам названной девочки Господь даже спас его, когда он тонул в пруду. Ведь названная Мария предчувствовала, что он станет блюстителем её девства, ибо сие было открыто ей Богом. Однако день её обручения перед лицом Церкви оказался днём не радости, а скорби, ибо в тот день умер её дедушка. Итак, хотя он более всех хлопотал о браке, смерть помешала ему стать свидетелем помолвки.

[5] В ту ночь, когда она уединилась со своим женихом в тишине покоев, стала она пересказывать ему жития, примеры и чудеса святых мужей и жён; и стало по устроению Бога, помогавшего ей, что оба они, отвергнув супружеское совокупление и отказавшись от деторождения, решили навек предаться Жениху, существу на небесах. Причём в начале семейной жизни она хворала лихорадкой, чахоткой и водянкой, и во время долгой болезни своей не искала земных средств исцеления, но небесных, и выздоровела, пожалуй, лишь силою Бога, Который причиняет раны и Сам обвязывает их (ср. Иов 5:18).

Но для того, чтобы добродетель терпения не осталась в ней праздной, ей вновь выпал повод для упражнения в сей добродетели. В одной войне с Иоанном (II

Добрым, 1319 – 1364 гг.), королём Французским, её муж был ужасно ранен и из-за этой раны три года оставался хром и бессилён, а после пленения упомянутого короля в битве при Пуатье (1356 г.) началась ожесточенная война против виконта де Бельмона, из-за которой произошло много зла. Ибо невзначай был захвачен замок Де Сийи и опустошена вотчина вокруг, а что всего прискорбнее, в упомянутой вотчине было убито сорок шесть вассалов и знатных мужей.

[6] Пока Иоанн, король Французский, находился в английском плену, англичане вторглись во Францию; разоряя города, деревни, замки, местечки, церкви, монастыри и другие святые места, они уводили многих пленников в свои крепости. В итоге и Робера, барона де Сийи взяли в плен и держали в замке Гренель, требуя за его освобождение мешки золота, и серебра, и драгоценного жемчуга, а также множество лошадей на сумму до трёх тысяч флоринов. Мария же, супруга его, скорбя духом и печалась сердцем, просила совета и помощи у своих родных и знакомых, но из-за чрезмерного промедления супруга её бросили в самую жуткую темницу, и через капитана Робина Кенеля он передал, что обрекает себя на смерть, отказываясь от всякой пищи. В течение девяти дней он не вкушал ничего, кроме собственной мочи, но по молитвам верной его невесты Марии посетила его Пресвятая Богородица Дева, утешила и освободила его из темницы; и, избавившись таким образом из рук своих врагов, он в радости благополучно возвратился к своим. Как-то раз в те дни явился ему во время молитвы Христос, заживо пригвожденный ко кресту. Он опустил десницу Свою с креста, и коснулся левого глаза Робера, и закрыл его пальцами, накрепко запечатлев в его сердце презрение к миру. Не лишено некоей тайны сие явление: ведь, как много лет спустя ясно показал исход событий, Робер соделался ради Христа бедняком и нищим в этом мире.

[7] После вышеупомянутых невзгод месье Робер и Мария, супруга его, ведя достохвальное житие, любили Господа всеми силами (ср. Лк. 10:27), соблюдая Его заповеди (ср. Ин. 14:21), и из имения своего подавали щедрую милостыню нищим (ср. Вульг. Тов. 1:19, Лк. 8:3) и всякому просящему протягивали руку помощи. Ибо рассказывают в том краю, что однажды явилось такое множество бедняков, что приготовленного хлеба, будь его даже в десять раз больше, им не хватило бы, а поэтому каждый получил по малому кусочку. Но повторились древние чудеса Божии, так что и все нищие насытились, и на прокормление дома осталось.

[Супруги] с нежностью опекали бедствующих сироток и вдов, и слышал я из уст госпожи Марии, что муж её случайно обнаружил на распутье трёх беспризорных, неизвестно кем брошенных ребят, однолеток, судя по росту и лицу. Одного [и второго он посадил] на какую-то ослицу, а третьего [нёс на руках, и так] доставив в замок, на радость своей супруге представил их ей. И святая Мария с радостью приняла их и воспитывала, как мать, пока они жили в этом мире.

Притом славный муж, не забывая своего пленения, благодетельствовал всем страждущим и пленникам и за многих выплачивал выкуп. Говорят даже, чтобы англичане не убили какого-то пленного бедняка, он безвозмездно заплатил за него сорок турецких ливров фунтов и выкупил его без надежды [на возвращение долга] в будущем. Такие поступки радовали Марию, и возносила она благодарения Творцу за то, что по щедрой благодати Своей изволил Он соединить её с таким благоверным супругом.

[8] Сей рыцарь, столь достославного рода и нрава, украшенный заслугами и добродетелями, почил в год Господень 1362-й. Похоронила его бл. Мария в своей коллегиальной церкви [при замке] Де Сийе. Славное имя его поминаемо с похвалою аж до сего дня.

По окончании похоронных обрядов Мария, супруга сеньора сего, была изгнана из своего замка и полностью лишена наследства по муже своём. Её приняла одна из служанок в некоей хижине. Не имея салфетки, на которой пристойность требует есть хлеб, Мария позаимствовала одну у служанки, но та весьма поспешно и грубо потребовала его назад, и Мария, будучи смиренна, возвратила его терпеливо и благостно, хотя и раскраснелась [от стыда].

ГЛАВА II. КАКИМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ МАРИЯ УКРАСИЛА ВДОВСТВО СВОЁ

[9] По прошествии недолгих дней траура, когда ей было около тридцати лет, она вернулась к своей матери в замок Де Майе и занялась с нею всяким добрым делом, и научилась от неё она способу и искусству изготовления мазей; однако и молитвенного духа не ослабляла. Весьма часто ходила она молиться в церковь св. Петра, расположенную недалеко от замка, и однажды, когда она молилась в там, явился ей св. Иво Бретонский (пам. 19 мая) в белоснежном одеянии и молвил: «Если хочешь оставить мир, уже в настоящей жизни вкусишь радостей небесных» – и, подхватив её на руки свои, вознёс от земли, и в сем восхищении она испытала радостей райских немало.

Поскольку она была тогда ещё молода и известна своим благонравием, многие знатные и влиятельные в миру мужи просили её руки, а мать на то не возражала. И брат взял её в свой замок Де Майе (отличный от замка матери de Maillé, поскольку в параллельных французских рукописях второй указывается как de Mauret. – прим. пер.), надеясь, прежде всего, убедить её выйти замуж. Но Мария, уже обещавшись другому возлюбленному – Христу Иисусу, отвергнув тленное мира, избегая дел плоти (ср. Гал. 5:19), отнюдь не поддавалась вкрадчивым братниным словам.

[10] И изыскав возможность, она перебралась в город Тур, намереваясь заняться там благочестивыми делами, а чтобы мелочи не могли помешать ей участвовать в богослужениях Часов, устроила себе жильё недалеко от Св. Мартина. А ночью порой, когда она шла в церковь или возвращалась обратно домой, некий чудный свет, ниспосланный ей от Бога, чрезвычайно часто тут и там сиял перед нею, чтобы не претыкались ноги её (ср. Пс. 90:12).

В вышеназванной церкви она избрала своим молитвенным уголком придел бл. Анны. Однажды она размышляла о благодати Божией и внимательно раздумывала, как бы ей сподобиться восхождения на вершину божественной любви и воспламениться огнем Святого Духа, и в то время как она сосредоточенно молилась Богу о сих дарах, на неё вдруг низринул огненный шар, непостижимый жар которого чудесным образом распространился по всем её членам.

Итак, почувствовав в себе великую силу Божию, руки свои она простирает на дела ещё большего мужества (Вульг. Прит. 31:19); ибо она, как Марфа, со тщанием служила Христу в бедняках Его, но и не меньшее стремление к сладости слова Божия проявляла, как Мария – сиречь в городе и за его пределами она постоянно с

благоговением посещала проповеди, смиренно сидя на земле у ног проповедников (ср. Лк. 10:39). Тем, кто трудился ради спасения, она обеспечивала пропитание из своих средств; а если кто-нибудь из них, судя по телесным признакам, недомогал, она с искренней милостью приготавливала для них мази, снадобья и другие средства, подходящие для восстановления здоровья, а тех, кому не могла [так помочь], окружала нежнейшей заботой.

[11] Ибо она молилась за них с жаром духа и часто говорила: «Вложи, Господи, слова Твои в уста их (ср. Исх. 4:15), как пообещал Ты, молвив: «В тот час дано будет вам, что сказать» (Мф. 10:19). Поэтому очень многие, уповая на действительную силу её молитв, легко соглашались [, получая] вечером внезапное [предложение произнести] на следующий день проповедь, когда [на подготовку] оставалась всего одна ночь. Например, некий инок из Тура накануне [праздника Вроздвигения] Святого Креста по настоянию Гасьенны, аббатисы [монастыря] Св. Креста в Пуатье, обещал проповедовать на следующий день в праздник, ибо так ему подсказала и святая Мария, чьим молитвам этот добродетельный брат часто смиренно вверялся; и благодаря столь могучей и верной поддержке, он так замечательно проповедовал о Кресте, что все, слыша, дивились (ср. Мф. 22:33) и прославляли Господа (ср. Деян. 13:48). Дивное дело! Тот, что прежде считался немудрящим и малограмотным, вдруг, по молитвам сей святой, просветился немалой мудростью.

Насколько угодна Богу молитва за тех, кто благовествует Царствие Божие, Господь изволил показать на следующем примере. Ибо святая Мария молилась однажды ночью за некоего инока, которому предстояло вскоре проповедовать о Страстях Господа нашего Иисуса Христа; и в самом разгаре молитвы, отнюдь не во сне, узрела прибитого ко Кресту Г. н. Иисуса Христа, Кого брат оный крепко сжимал в благоговейных объятиях. О, как достоин, как благороден тот труд, в награду за который Иисус Христос, Г. н., так радушно позволил Себя обнять слуге Своему!

[12] Сия святая жена «не ест хлеба праздности» (Прит. 31:27): с утра до вечера внимая службе божественной, она почти не выходила из церкви, не раньше, чем церковный сторож её выгонял; а возвращаясь в свою комнатунку, приглашала на обед бедных и нищих, которых видела блуждавшими по улице, а слабых и немощных, поддерживая руками, приводила домой и поливала им руки водой при мытье. И когда они принимали пищу, она, подобно Марфе, прислуживала им, причём не просто как слуги и служанки служат своим господам, но, кланяясь перед ними до земли и даже преклоняя колени, называла этих нищих господами своими, а дабы выглядеть в очах их ещё презреннее, многократно уделяла себе на прокорм объедки и крошки хлеба, что оставались от трапезы нищих. Она давала у себя дома приют беременным нищенкам, и омывала младенцев их в купели крещальной, и старательно помогала этим женщинам при родах.

[13] Вошёл в её дом среди прочих нищих один высокорослый, длинноволосый и долгобородый, красивый лицом. Он стоял перед нею, озираясь по сторонам, и не молвил ни слова. Она же, удивляясь и опасаясь обмана от лукавого, сказала ему: «Если ты христианин, сотвори знамение христианское!» Услышав сие слово, он поднял руку и истово осенил себя крестным знаменем, после чего, поев, вышел из дому и больше не появлялся. Вышла и хозяйка и, остановившись, огляделась, но никого не увидела. А когда спросила у соседей, куда пошёл тот человек, они заявили,

что ничего не знают. И вернулась святая дама в свой дом. Она не оставила по причине сего происшествия нищих; более того, выбрав [предметом своей заботы] изгоев, обратилась к прокажённым и стала часто навещать их дома, причём не с пустыми руками.

И как-то раз, придя к прокажённым, она нашел среди них одного, что был жутче прочих, потому что с усилением болезни от язв его исходил некий смрад, почти невыносимый и весьма ужасавший всех. Поэтому тот нищий был помещён в маленькую хибарку среди зарослей терновника, где лежал отдельно от остальных прокажённых. Ему Мария служила с особой лаской, помогая ему ежедневно в нуждах его; и он, словно матери своей, искренне и доверчиво рассказывал ей обо всех несчастиях и скорбях, а также печалях своего сердца; и среди прочего он сказал ей: «Кишка у меня замкнулись, а от этого болезнь ещё тяжелее». Услышав это, она приготовила мазь и положила её на ладони рук его; и кишка его вскоре размягчилась и открылась, и вышли оттуда черви, почти бесчисленные, и он тотчас же пошёл на поправку. В итоге прокаженный тот исцелился и стал совершенно здоров. Мария же за исцеление этого прокаженного весьма часто Бога благодарила.

[14] Сия дама, несмотря на знатность, не только предалась служению нищим, но и тело своё смиряла суровыми подвигами; ибо она носила на голое тело железный пояс с двойным рядом зубцов, а поверх – власяницу из конского волоса; постилась в понедельник, среду и субботу, а в пятницу, почитая Страсти, вполне довольствовалась кусочком чёрного хлеба и холодной водой. Не пропуская постов церковных, она держала один пост в честь Преславной Девы, а другой – в честь Ангелов, а третий – на хвалу и славу Рождества Г. н. Иисуса Христа, и так же ревностно соблюдала воздержание от пищи в кануны праздников всех апостолов и евангелистов и ряда других святых.

Потом Мария, смиренная и преданная раба Христова, не усталостью, не трудом изнурённая, но поражённая тяжкой болезнью, слегла. И так суров был недуг её, что она уже лишилась дара речи и зрения: оставалось только похоронить её. Она ж сама, поразмыслив, молвила в себе: «Господи, Сыне Единородный, Иисусе Христе, Который изволил, приняв тело человеческое, родиться от Девы; Который позволил положить Себя, повитого пеленами, в яслях между двумя скотами; Который словом и примером учил апостолов нищете евангельской и Сам её придерживался до смерти, когда Ты нагим повис на кресте за нас, грешных; непусти мне покинуть сей мир под бременем временного имущества и земных владений!» Едва она безмолвно помыслила об этом, как тотчас же разрешились узы её языка (ср. Мк. 7:35), и вдруг прозрела она (ср. Деян. 9:18), и немедля попросила дать крольчатины, и, приняв пищу, окрепла и выздоровела.

[15] Не желая оставаться неблагодарной за столь чудесную милость и хорошо помня о собственных устремлениях, она собралась с душевными силами, вознамерившись ступить на стезю более совершенного Христу подражания, и явилась к Его Преосвященству Владыке Симону де Ренулю, архиепископу Турскому, и принесла пред ним торжественный обет, обещав до конца жизни своей блюсти целомудрие.

И вот, дабы воздать Всевышнему обеты свои (ср. Пс. 49:14), она сторонилась всего противного целомудрию: отказавшись от мягкой постели, довольствовалась

жѣсткой соломой; уклонялась от общества мирских людей, всячески избегая пустой болтовни и любопытства; и так обуздавала чувственные движения плоти скудостью питья и пищи, что, по [нашим] наблюдениям, безмятежно хранила добродетель умеренности во все часы ночи и дня, в достатке и в невзгодах. А чтобы вверенное ей время не протекало впустую, она весьма часто читала Библию (которую ей любезно преподнесла Мариа Бретонская, бывшая королева Сицилии), жития святых и другие священные книги.

[16] Но поскольку она слыхала, что чтение души лишь наставляет, а молитва – очищает, то проводил большую часть времени в молитве. Однажды, когда она молилась, явилась ей Богородица Дева и в доверительной беседе сказала облачиться в одежды поскромнее и, показав ей, какого покроя и вида должна быть эта одежда, коснулась её лица своей пречистой рукою – так что, очищенная молитвою, она угодила Богу и Деве и удостоилась принять наставление и научение из уст самой Девы. Она не замедлила подчиниться данному ей повелению: тотчас же переоблачившись, ради Христа, Который смирил Себя Самого, приняв образ раба (ср. Флп. 2:7), почтительно надела убогий и презренный хабит, что был показан ей в видении; и так отличался он от мирской одежды, что многие, взиравшие на неё, принимали её за отшельницу, отчего и насмешники многие в своих крикливых представлениях называли её отшельницей. А она не обращала внимания на слова, но ежедневно обдумывала, что бы такого сделать, дабы побудить ближних воздавать хвалу и честь Преславной Деве. Наконец, для спокойствия своего сердца она распорядилась изваять три образа Девы: один поставила в верхней части хора обители каноников св. Мартина Турского; другой – на западном выходе из хора, на алтаре, что в народе называют «алтарём сонливцев» (св. Семи спящих отроков. – прим. пер.), причѣм она захотела и попросила, чтобы он назывался образом Девы Нежного утешения. А третий образ был по её смиренному указанию перенесѣн неким благочестивым мужем в капеллу скита Св. Марии в Плянш-де-Во. При этом и носильщик, и она сама ступали босиком и, не обращая внимания на рвы, наполненные водой, бездорожье, терние и волчцы (ср. Быт. 3:18), двигались плавно, как корабли в море, так что казалось, они поистине парили, а не шли.

[17] Возвратившись в Тур, она старалась умножить вверенный ей талант, но тот древний змий, который не успокаивается в своей ненависти к благим делам, всегда и везде подстерегал её. Например, однажды, когда она молилась в церкви св. Мартина перед алтарем Страстей, явился вдруг ей сатана, ибо некая женщина, безумная и буйная, взяла большой камень чрезвычайного веса и яростно бросила его по дьявольскому наущению в спину молящейся. От такого удара она вмиг потеряла сознание и примерно с час все присутствующие считали её мертвой. Верные ей люди доставили её в её собственный приют, где её навел опытный хирург, посланный к ней королевой Марией Сицилийской, и с искренним благоволением внимательно занялся её лечением.

Но, обнаружив, что у неё сломана поясница и разошлись кости, заявил, что такого рода повреждение совершенно непоправимо и неизлечимо. Однако то, что невозможно было исправить ни силою естества, ни хирургическим искусством, в совершенстве восстановил и исцелил чудесною Своею силою Тот, Кто может всё. Вскоре она ходила так ровно, будто прежде не претерпела никакого ранения. Однако

по попущению небесного Врача, дабы всегда было очевидно, что [тогда свершилось] истинное чудо, до самой смерти позвоночник её оставался искривлён, а на месте удара имелась такая впадина, что туда легко можно было поместить куриное яйцо, но при этом она не утратила прежней своей изящной прямой осанки и гибкости, о чём свидетельствуют те, кто сие видел и осязал.

ГЛАВА III. КРАЙНЯЯ НИЩЕТА МАРИИ. КАК ОНА БЫЛА ВЫНУЖДЕНА ПРОСИТЬ МИЛОСТЫНЮ И ЧАСТО МЕНЯТЬ МЕСТА ОБИТАНИЯ

[18] Никак ей было не искоренить из сердца своего устремления ко святой нищете. Ибо в начале вдовства своего она отказалась от приданого и доли в наследстве почившего мужа, причём безвозмездно и добровольно, без какой-либо надежды на будущее возмещение. Немного позднее, дабы придать благолепия служению Божию и следуя по стопам святых, поддерживавших церкви мирскими благами, оставляя благой пример потомству, она родовое гнездо своё Ла Рош в Сен-Кантене Лошской епархии принесла в дар Картезианскому ордену; передав вышеназванной иноческой обители посредством заверенной грамоты во владение и собственность сей замок с землями и крестьянами, Мария весьма радовалась, что ради любви к Г. н. Иисусу Христу совершенно лишилась (дословно «обнажилась». – прим. пер.) того обиталища, в котором нагая вышла из чрева матери своей (ср. Иов 1:21). Словом, дабы стать совершенной рабой Христовой, она оставила ради Бога не только мать свою, брата и сестру, но и всё, что имела в сем мире. Притом, когда она в присутствии своего брата заявила об отказе от отцовского наследства, один рыцарь из отцовского рода сказал ей: «Недостаточно отречься от ныне [ей причитающегося], если не откажется она заодно и от будущих наследств». А она: «Кто дал мне сил отказаться от сих нынешних переходящих благ, по обильной благодати своей и в дальнейшем удалит из моего сердца привязанность к оным».

[19] Сказав это, она замок своего покойного отца, где была воспитана в неге, покинула в позоре и отвержении, а поскольку все друзья презрели её, предприняла путь в Тур и, направив шаги свои на путь Евангелия мира (ср. Лк. 1:79), перешла реку с посохом добровольной бедности, при этом не печальна она была, а счастлива, ибо по образу апостольскому следовала за Господом Иисусом Христом Искупителем. И вот, сделавшись поистине бедной и нищей, она не смогла затем найти ни дома, ни жилища на постой или внаём, ибо по причине охлаждения любви умножилось беззаконие (ср. Мф. 24:12), и завистники её, подстрекаемые диаволом, сговорились с хозяином, который, стремясь к наживе, позабыл всякую жалость и с изрядной суровостью выгнал её из дома, в котором она прилично и благочестиво прожила многие годы.

Итак, освободившись от мирских забот, она продолжила паломничество по церквям, посещая святые места, дабы получать индульгенции. Вечерами, ничего не евши до заката солнца, она смиренно просила в милостыню чего-нибудь поесть, стучась в двери не богачей, а бедняков, и обещая, когда будет угодно Богу, помочь им в подобной нужде. Её знакомые и прочие горожане захлопывали перед нею ворота и двери, заявляя, что не осмелятся принять её в дом из страха перед её роднёй. И так, не имея пристанища, где преклонить голову (ср. Мф. 8:20), она много раз тайком ютилась под карнизом развалины, где лёживали порой свиньи и собаки, постоянно молясь о спасении народа, а себя самоё вверяя Божественному Провидению, во всех

сих обстоятельствах, оставаясь терпеливой и скромной, благостной и смиренной, и на лице её читалась не печаль, а радость.

[20] А тот человек, который хитростью и обманом изгнал её из дома, в котором её когда-то принимали весьма радушно, был поражен Богом и почернел, как вретище, и, мучимый бесом, возопил жутким криком, что быть ему прокляту, если, мол, мадам де Сийи не соизволит ему помочь. Услышав это, Мария, не вспоминая обиды, поспешила навестить несчастного того отчаявшегося человека и, жаждая спасения его, начала с ласковых речей, святых увещаний и благоговейных просьб, а затем стала по мере сил подводить его к покаянию. В итоге, ограждённый бронёй покаяния, он преставился от мира. Чернота при этом осталась, дабы каждому было ясно, какая строгая и суровая кара Божия ждёт тех, кто святым Его чинит обиды и тягости.

Бедную даму приглашают обратно в тот приют, из которого её беззастенчиво изгнали. Там к её скромному сообществу присоединилась некая монахиня из Бельмона по имени Иоанна, инокиня честная и благоговейная; и была она весьма послушна Марии, а из той доли пропитания, что получала от своего монастыря, отчасти возмещала скудость благородной дамы. И как нельзя более кстати пришлось ей помочь от столь внимательной подруги, ведь в эти дни мало кто навещал её, и в день святой Пасхи после вечерни у неё дома не оставалось ничего поесть, потому что, хотя городе в то время было полным-полно яств, всё же не нашлось никого, кто бы вспомнил о её нужде.

[21] Ничуть не заботясь о телесной пище, а пылая ревностью о душах, он уже не могла удержать в груди своей пламя искренней любви: вырывая на улицах и площадях блудных женщин из рук юношей, она в пылу духа пресурово корила их, и после того, как она проникновенными словами изъясняла им тяжесть их прегрешений, грозящих вечным [проклятием], многие из них с сердечным сокрушением заливались слезами, отрекаясь от прежних занятий. И дама, возблагодарив Творца, без промедления вела их за руку к исповедальне.

Среди них была одна по имени Изабелла – её взял в жёны некий юноша и увёз в Берри, но она не забывала о столь великом благодеянии и раз в год приезжала в Тур, чтобы повидать Марию и почтить её, как мать свою и госпожу. Другую грешницу святая застала на смертном одре; она умирала без таинств; лишилась уже речи, а с калом из неё исходили черви. Но когда наша дама, испугавшись за её душу и тело, взмолилась, она из пасти смерти была возвращена жизни и тотчас возопила: «Купели! купели!» И, ударив себя в грудь, громким голосом молвила: «Даст Бог, я полностью очищу свою совесть!» Таким образом госпожа Мария по образу доброго пастыря заботливо на плечах своих возвращала заблудших и потерявшихся овец в стадо Господне.

[22] Никак было не сломить терпения этой набожной женщины, в невзгодах она проявляла такую же радость, как при удачах, как будет видно из примеров, приведённых ниже.

Дом Иоанн Иверский, постоянно принимавший её исповеди, и инокиня Иоанна из Бельмона, сподвижница её, которые охотно оказывали ей любезную помощь в разных обстоятельствах, почти одновременно преставились от сего мира, но, не

сомневаясь в спасении их душ, она не могла оплакивать их смерть, но радовалась весьма. Однако, чтобы она не оставалась одинокой и без утешения, Бог умиловился над нею, и она была в числе служанок принята в приют св. Мартина, где как одна из них смиренно ухаживала за нищими и болящими. Была там одна больная, которой захотелось винограду, и Мария, имея лишь грош, побежала без промедления на перекрёсток, и когда она покупала виноград, как служанка, родной брат, месье де Майе, заметил её издали, но, отвернувшись, чтобы она его не узнала, прошёл со своими спутниками мимо. Смиренная дама, милая Богу, увидев, с каким к ней отнеслись презрением, исполнилась безмерной радости и возблагодарила Того, Кто ради спасения рода человеческого изволил стать поношением для людей и был отвержен толпою. И возвратившись в приют, она попотчевала недужную виноградом; и стал он ей целебным лекарством, ибо у неё прошёл запор, и она опоганила постель, что вызвало немалое отвращение у работниц приюта.

[23] Рассердившись на это, негодные служительницы по зависти своей выставили рабу Христову из обители, лишив утешения; и она, не зная, куда пойти, весьма смутилась, но тут услышала позади себя некий голос, говорящий ей: «О дражайшая дочь, неужто ты хочешь удалиться от Меня?» (ср. Ин. 6:67) И она, не усомнившись в сказанном, возложила упование на помощь свыше и впредь ночевала в церквах в полнейшей безопасности.

В храме св. Симплиция Турского она проводила целые дни и ночи, молясь, читая и постоянно размышляя о деяниях Христа и святых. И было так, что поздно ночью накануне пятницы она, взяв Евангелие, начала читать Страсти Г. н. Иисуса Христа со слов: «Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад...» (Ин. 18:1), - и восхитилась духом, и, отчётливо сознавая, что находится вне райской ограды, видела верхушки деревьев и слышала голос Господень, строжайше коривший её за провинности. Голос оный казался величественным и чудесным, властным и устрашающим. Она ясно узрела и тяжесть вины Адама, и изгнание его из рая, и последствия греха, и ущерб, нанесённый человеческому роду; познала потоп и его причины; и так просвещён был ум её божественным откровением, что великую силу Бога (ср. 2 Мак. 3:34), о которой вещает Ветхий и Новый Завет, она ясно видела и даже отчётливо понимала. На рассвете, придя в себя, она обнаружила, что взгляд её устремлен прямо на строчку «Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад...», и дочитала начатый отрывок до самого конца.

[24] В то время она избегала некоторых особ, как предписала ей Богородица Дева, уклоняясь с благочестивой осторожностью общения с ними, но они, негодуя на это, устраивали ей неприятности, подстрекали к оскорблениям, а исподтишка – и к гонениям. И она, отступая пред злобой, покинула город и перебралась в монастырь Бельмон, намереваясь пробыть там некоторое время.

И случилось однажды, что во время молитвы явились ей Пресвятая Дева и ангел Гавриил, воспроизвели пред Нею священное событие (*mysterium*) Благовещения Господня; ибо она слышала воззвание ангела: «Радуйся, Мария..», и благодарный ответ Марии, и чудесным образом, чувствуя сильнейший жар в теле своём и благоговейный пыл в духе, познала великие и дивные тайны Воплощения Божия. И было сие чудесное и божественное видение весьма продолжительным и так наполнило её ум, что она ни с места не в силах была двинуться, ни помыслить ни о

чём другом не могла. Весьма радовалась она столь неизреченно блаженному видению, но искреннее умиление вызывало рыдания многие, а слёзы, лившиеся из глаз, она никак не могла ни вытереть, ни сдержать. Абатиса (по мнению болландистов то была, вероятно, её родственница – Иоанна де Майе. – прим. пер.), увидев плачущую с такой горечью и приметив, как странен поток её слёз, прониклась жалостью и принесла заплаканной благородной даме плат, чтобы она вытерла лицо и глаза. Когда видение исчезло, в душе её остался мир, а в сердце – веселие о том, что явились ей Иисус Христос и Мария Матерь, которые многократно то и дело утешали её.

[25] Покинув монастырь, она бежала подальше от города, чтобы побыть в уединении, и, перейдя Луару, добралась до часовни св. Валериана, что на Козьем поле, и оставалась там немало дней; а когда вовлекалась в какие-нибудь мирские разговоры или в хижине [тамошной], или в другом каком месте, днём и ночью старалась искупить их слезами и молитвами. Когда ж становилось ей голодно, она не стыдилась просить милостыни у местных жителей, обитавших близ скита, которые знали её с детства, и даже принимать унижения. Ибо в упомянутой хижине жил только свинопас с женою, и они порой звали её обедать с ними, но, не проявляя ни малейшей учтивости, усаживали её за столом на наименее почётное место. Точно так же принимал её у себя дома конюх, ухаживавший за лошадьми, которые когда-то возили карету её матери, их госпожи. А смиренная дама, видя, что ничтожной считается среди слуг и служанок родителей своих, неизменно и счастливо прославляла Того, Кто унижил Себя Самого, приняв образ раба (Флп. 2:7).

[26] В то время она ушла в скит Плянш-де-Во и долго пробыла там, житие проводя весьма суровое: питалась ячменным хлебом и лесными грушами, болотной водою утоляла пыл своей жажды. Она крайне обессилела, нуждаясь в вине, и некому было помочь ей в нужде, но чего не могло или не желало [дать] человеческое сострадание, наполнила милость Творца. Ибо безвкусная вода, прямо у уст её вдруг обратилась в чистейшее вино; и когда так случилось, Мария благодаря дару Божию окрепла и, направившись обратно в Тур, шла благодаря силам, почерпнутым от сего чудесного питья, пока не добралась до селения Сен-Мари-ла-Риш (по названию церкви – св. Марии Богатой, которая первоначально называлась св. Марии Нищей, поскольку она была построена у кладбища нищих, но позднее в ней положили мощи св. Гатиана Турского, именовавшиеся «Сокровищем», отчего храм получил последующее название. – прим. пер.), ибо всем существом своим жаждала жить там, и, устроившись при церкви, начала, как обычно, сорокадневный пост в честь ангелов, каковой и исполнила.

При приближении праздника славнейшего архистратига Михаила, в часовню которого её безвозмездно пускали ночевать, власти вышеназванного селения вознамерились изгнать её. Отовсюду грозили ей беды, и она понимала, что её скоро изгонят, а бежать было некуда, ибо не знала она никого, кроме Бога, кто послужил бы нищим прибежищем и силою, скорым помощником в бедах (ср. Пс. 45:2). Пребывая в душевном смятении, она услышала некий голос с небес, сказавший ей: «Поди к дарохранительнице Тела Христова!» И подошла она тотчас к ней почтительно и благоговейно, а Христос дважды являлся ей в ту ночь лицом к лицу, укрепив её. Посещение оное было так чудесно и столько ей счастья доставило, что

ни словом сказать, ни пером описать; а чтобы не остаться неблагодарной за таковое благодеяние, она на следующий день позвала миноритов, дабы отслужили они по её указанию мессу в упомянутой церкви. Понимая, что уйти придётся, боголюбезная жена сия, умолила тех иноков, дабы ради любви ко Христу забрали её к себе как нищенку в хибарку какую-нибудь при обители, и они с согласия провинциала дали согласие на её просьбу.

ГЛАВА IV. КАКИЕ ОНА СВЕРШАЛА БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ПОДВИГИ И КАК СНИСКАЛА БЛАГОВОЛЕНИЕ В ОЧАХ ВЕЛЬМОЖ. КАК ОНА ПРЕДСКАЗЫВАЛА БУДУЩЕЕ И УКРАШАЛА СВЯТЫЕ ХРАМЫ

[27] Когда распространилась слава о её святой жизни и уже многие признали безупречность подвига её, Людовик, герцог Анжуйский, и Мария Бретонская, его жена, прониклись к ним благоговейным почтением, причём настолько, что по велению герцога она стала восприемницей при крещении мальчика, от сей четы рождённого.

И весьма радела она о спасении малыша. С пелёнок и в раннем младенчестве, когда он был еще совсем не способен на хитрость, его верная крёстная мать весьма часто читала при нём Священное Писание.

Однажды вечером, когда она говорила о славе святых и о райских радостях, а высокородное чадо от радости дрыгало ножками и хлопало в ладоши, одна из служанок сказала ему: «Сударь, пора в постель!» На что он: «Что бы ты предпочла: спать или быть в раю?» А она: «Я бы предпочла быть в раю». Тогда он и молвит: «Рай во сне не найти». Так Мария, верная раба Христова, сладкозвучными речами своими обращалась к слуху малыша извне, а изнутри помогал Дух Святой, прикосновениями Своими научая малютку.

[28] На пятьдесят пятом году своей жизни, лишённая поддержки от своих родных и близких, давно без земных владений, она попросилась пожить в турскую обитель миноритов и была принята. И суетное оставив суетным, она переделала свою личную печать; теперь на ней было изображено оружие Христово (т. е. Крест. – прим. пер.) и начертаны знаки Страстей Господних. Таким образом, разместившись и живя среди попрошайек, она жила, как нищая, на подаяние от благоверного люда. И если ей присылали какие-нибудь лакомства, она отдавала их больным и старым, беременным и немощным, а сама питалась чёрным хлебом, сырыми овощами и другой безвкусной снедью. Он посещала все службы часов, дневные и ночные, а в великие праздники бодрствовала в церкви пред Телом Христовым, непрестанно молясь с усердием; когда ж истомлялось хрупкое тельце её, немножко спала после ухода братии на каменной ступеньке главного алтаря. Простёршись на молитве, она касалась губами праха; на исповеди, посыпав голову землёй, рисовала на лбу землёй знак креста. И всегда обнажала колени, преклоняя их наземь. Поступала она так столь долго, что они стали жёсткими, точно у верблюда, что стало случайно известно нескольким близким ей людям, когда однажды по какой-то необходимости она была вынуждена со смирением позволить им омыть себе ступни и голени.

Причащалась она вышесказанным образом (т.е. стоя голыми коленями на земле. – прим. пер.). Перед вкушением Тела Христова она от чрезмерного укрощения плоти, а может, и от благоговейного страха, казалась бледною, точно покойница; но по

приятии Тела Христова лицо её алело, словно роза в мае, ибо вспыхивала в ней любовь божественная, и то слёзы проливала из очей своих, то пресладостные стихи возглашала она и неслыханные песнопения хвальные, о каковых было многим известно из ряда четверостиший, написанных её рукой, а многие не раз наблюдали сие воочию.

[29] Не забывая своего обычного сострадания к немощам бедных, что вызывали ужас у видевших их, и с дивным состраданием воспринимая язвы прокаженных, она не могла думать ни о чём другом, кроме того, что нужно всеми силами помогать им в столь страшной беде. Сего ради она в полях, в садах и в лесах собирала различные лекарственные травы и приготавливала мази, а смолу, воск, масло и другие вещества, подходящие и полезные для этого, смиренно выпрашивала у тех, кто, как она точно знала по опыту, имел в себе страх Божий. Бог придавал сим мазям такую силу, что намащаемые ими выздоравливали. Доныне живы почти неисчислимы свидетели сего.

Сия достославная жена старалась обращать заблудших не только словом, но и прилежной молитвой. Пока она пребывала в турецкой обители миноритов, двое послушников ордена, решив сбежать из монастыря, шли прочь, наглým образом даже не снимая рясы. Услыхав о том, благочестивая дама простёрлась на земле и с мыслью о них совершала поклонение [Св. Тайнам]. И так велика была сила и действенность её заступничества, что юноши те несчастные, целый день пробродив вдоль берега, так и не смогли перебраться на другую сторону, словно овцы, перепуганные встречей с ангелом, хотя у них на глазах многие проходили через речку по [по мосту] Св. Анны. Когда вечером они возвращались, дама их встретила, и ради уважения к ней братия приняли их благодушно.

[30] А в другой раз, когда приближался праздник святого Иоанна Крестителя (а ещё прежде его славное рождение предстало взору её в чудесном видении), она, вняв ангельскому указанию, выбралась из города, но не «на колесницах и на конях» (Иер. 17:25, ср. Пс. 19:8), как требовало её дворянское достоинство, а с посохом и нищенской сумою на шее, как побирушка, странница и чужеземка; и, взяв с собою двух иноков из ордена миноритов, отправилась в скит Св. Марии в Плянш-де-Во на богомолье, и там после долгих усердных молитв, озарённая духом пророческим, ясно увидела многие из грядущих событий в королевстве Французском и предсказала близким друзьям, что король Франции прибудет в Тур, и назвала при этом ворота, через которые он въедет.

По прошествии многих лет весь народ и духовенство с крестами встречали ехавшего в Тур короля у Восточных ворот – не у тех, что назвала Мария. Но король недалеко от города внезапно переменял намерение и, переехав поля, направил путь к Западным воротам и въехал через них, как и предсказывал Святой Дух устами рабы Своей Марии. А она с горящим сердцем искала возможности сообщить королю, что узнала от Бога, ибо нельзя было о том умолчать. При посредничестве герцога Орлеанского в замке в окрестностях Тура [ей была устроена встреча] наедине с королем, и она говорила с ним долго. По прошествии трёх лет она снова добилась встречи с королём в цестинской церкви в Париже, а в другой раз в королевском дворце, называемом

Домом св. Павла («Отель Сен-Поль». – прим. пер.), у неё был более продолжительный разговор с королём. Но то, что она сказала, узнал, кроме Бога, только король.

[31] Однако точно известно, что она благоговейно преподнесла королю осколок чаши св. Мартина Турского, который ей подарили в Большем монастыре, смиренно прося поместить его на почётном месте среди прочих реликвий в дворцовой капелле. А поскольку она весьма радела о чести славнейшего предстоятеля, была воля Божия, чтобы то, о чём она горячо молилась, вскоре по велению короля исполнилось, и видела она сие воочию, за что пречасто воздавала благодарение Святой Троице.

Нечто подобное она и прежде делала, когда добилась, чтобы мощи св. Иоанна Крестителя и св. Стефана Первомученика с честью поместили в раки из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями. С помощью своих почитателей она не только о вышеупомянутых реликвиях позаботилась, но и о мощах других святых, апостолов, мучеников, исповедников и дев, дабы их благоговейно заключили в серебряные раки.

Но что всего похвальней, так это то, что на хвалу и славу Страстей Господних она распорядилась сделать много серебряных крестов с позолотой на поверхности и в каждый из них вложить по частице древа Креста Христова, из тех, что по её смиренной просьбе были предоставлены ей чтившими её вельможами. Церкви, в которые были переданы сии кресты, могут засвидетельствовать, что это правда.

[32] А помимо сего стоит вспомнить тот ковчег, что был изготовлен по указанию Божию в честь Тела Христова и щедро украшен из даров верных; в каковой ковчег благоговейно помещали спасительную гостию на праздник Св. Таин, и священники несли его в тот день в торжественном шествии, каковое благочестивая дама, Христу премного любезная, постановила совершать ежегодно и вовек.

Кроме того, ради богослужебного благолепия она по вдохновению Господню просила у вельмож одеяний шёлковых и златотканых и делала из них покрывала для алтарей, священные облачения и другие предметы, приличествующие и годные для украшения церкви, причём шила их обычно собственноручно, раздавая их бедным церквам, в каждом случае – согласно внушениям Духа.

Разумеется, она не только украшать хотела церкви, но и отстраивать разрушенные. Например, часовню Пресвятой Девы, что была готова полностью рухнуть от крайней ветхости, она полностью обновила от основания, распорядившись сложить стены из щебня и камней, которых не касалось железо, а врата и окна соорудить из камней квадратных – что и было исполнено. Ну а деревянную крышу, уже истлевшую, она заменила на каменную – из так называемого сланца (*ardesias*).

[33] Получив между тем наставление от Того, кто именуется Алтарём нашим (ср. Вульг. Нав. 22:34), она во славу Троицы и в память Страстей Господних, а также с намерением представить верным знамёна Христа-Царя (т.е. орудия Страстей. – прим. пер.) для почитания, построила три алтаря с каменными панелями и в основания [их сама] положила первые камни.

Ещё три алтаря она поручила сделать в честь не раз упомянутого Рождества Господня, Стефана Первомученика и блаженного Иво Исповедника. А поскольку

всеобщая полнота знаменуется числом семь, то она начала и закончила седьмой алтарь в честь всех святых, и раскрасила его в разные цвета, и как можно большим числом картин украсила, а в основание его, преклонив колени, положила треугольный камень, собственными устами выразив его таинственный смысл: «Се Тройственный и Единый, Кто воздвиг всех святых, дивный во Святых Своих, и благословенный, и достохвальный, и славный во веки веков».

ГЛАВА V. ПАМЯТОВАНИЕ О СТРАСТЯХ ХРИСТОВЫХ; ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ЗЕМНЫМИ СТРАДАНИЯМИ; ДЕЙСТВЕННОСТЬ ЕЁ ПРИМЕРА И МОЛИТВ, ОСОБЕННО В ОТНОШЕНИИ ЛИШЁННЫХ НАДЕЖДЫ НЕСЧАСТНЫХ

[34] Хотя она была занята такими внешними делами, пыл её внутренней любви не ослабел, ибо во всём и превыше всего она любила Бога. Удары, принятые Христом и спасительная Его смерть; святой крест, украшенный драгоценною кровию Сына Царя вышнего; оплевание, гвозди, копыя, синяки, плоть окровавленная, уксус, губка и терновый венец, желчь и трость постоянно стояли перед очами ума её; и она велела нарисовать всё это на пергаменте, чтобы в других будить память о Страстях. Тот отрывок Евангелия – «Господь вышел за поток Кедрон...» (ср. Ин. 18:1), – где описываются Страсти Г. н. Иисуса Христа, она ежедневно прочитывала вслух сама, а когда тяжело хворала, кто-нибудь другой читал ей, при чём она со вздохами и стонами оплакивала смерть Христову.

Мучения и боли своего собственного тела она называла усладами и весьма часто говаривала: «Да будут лекарством моим пять ран Божиих!» (ср. Ис. 53:5, 1 П 2:24) Поистине от юности до старости ум её был сосредоточен на смерти и славных страстях Христовых. А в ту пору, когда она всячески старалась усвоить себе евангельскую нищету, на Страстной седмице, вспоминая жуткую смерть Христа и терновый венец, она, терзаемая чрезвычайным состраданием и желая хоть как-то пострадать за Христа, воткнула некий длинный и острый шип себе [в голову] между плотью и черепной костью, а в четверг Великой седмицы этот шип перед её глазами упал. Дивное дело! Он так долго торчал в голове, а не причинял вреда плоти, а когда вышел, не оставил шрама.

[35] Драгоценная смерть святых навсегда запечатлелась в сердце её, ибо она прилежно запоминала примеры их и чудеса, а о чём бы её ни спрашивали, она в ответ приводила отрывок из житий святых. А слово Божие в устах её, живое и действенное (ср. Евр. 4:12), немало назидало слушателей, так что, отвергая мирские устремления, целомудренно... и благочестиво жили в нынешнем веке (Тит. 2:12), а многие из них, совлеки одеяния свои драгоценные, обратились на путь иночества.

Во то время, когда раба Христова пребывала в Париже, ради индульгенций часто посещая капеллу королевского дворца, где верные поклоняются знамёнам Искупителя, один юноша из королевской свиты, видя её [нищенское] состояние и не прозревая благородства за убогим хабитом, который она носила, осыпал её весьма грубыми поношениями, заявив, что она заслуживает сожжения. Смиренная и благостная дама, не поминая обиды, но хорошо помня о страстях Господних, молилась по примеру Христа за обидчика и, не обижаясь на его слова, на коленях

благодарила Всемогущего Бога за оскорбления. В то время как её служанка лила слёзы, подошёл один рыцарь и на благородный лад почтительно поприветствовал нищую даму, а нечестивого хулителя яростно выругал.

[36] Как раз в то время, вняв королевскому повелению, она должным образом приготовилась, как прилично святым Божиим (ср. Еф. 5:3), приветствовать королеву в доме её и миролюбиво заговорила с привратником, прося впустить её во дворец, но он не обратил внимания на её слова, и с презрением окинул взором облик, а так как она была ему неизвестна, то показалось опасной, и поэтому он прогнал её ударом палки. И так повторялось несколько раз, пока кто-то, посланный от Бога, не остановил лютовавшего слугу. Когда привратник отстал и Мария проникла внутрь, её спросили, не больно ли ей, на что она отвечала: «Ни злоба человеческая меня не утратила, ни удар палки не причинил боли; ибо Господь Иисус Христос нежно защитил меня».

И снискала она расположение королевы, и пребывала у неё семь дней. Дни же те прошли не впустую, ибо её преисполненное достоинства поведение, слова красноречивые и божественным огнём воспламенённые потрясли многих до глубины сердца, отчего они немедленно оставили множество суетных привычек и безумных заблуждений. Как раз в те дни дворяне и вельможи напрочь отказались от чрезмерно длинных носов на туфлях, называемых «куриными» (roulainiam); причём один рыцарь по имени Режинальд, выткнув ноги, разрешил, изволил и приказал отрезать ему их от туфель, и сей пример разошёлся от двора королевы дальше.

[37] Всех, кто неприлично говорил о Пресвятой Деве, или о святых, или о драгоценной Крови Иисуса Христа, она горько оплакивала как как неблагодарных Искупителю и старалась образумить таковых беспутных кощунников, убеждая их, умоляя и укоряя. Многие в ответ на слова её каялись, бия себя в грудь; иные же воздавали за добро злом, за любовь её – ненавистью (Пс. 108:5).

За таковые [укоры] какой-то крепкий молодчик из Тура повалил её на землю и топтал ногами; из-за этого она долго хворала. Однако, хотя многие уговаривали её потребовать отмщения негодяю, сказала: «Мечь приносит злую пагубу», - и тут же молвила чудесные слова о Божием милосердии и терпении Христовом, заявив, что обиды и невзгоды, терпеливо переносимые ради Христа, полезны и весьма способствуют спасению.

Благодаря некоей влияющей свыше любви, она проявляла пылкую ревность о спасении душ, безмерную, поразительную, ибо с искренней жалостью оплакивала пороки ближних, будто собственные, а если знала таких, кто зашёл так далеко, что отчаялся в своём спасении, то, утешая их святыми речами и ласковыми словами, побуждала их к сокрушению, обещая им прощение, если они искренне покаются, не пренебрегая должной исповедью.

[38] Приведём пару примеров.

Некая женщина из Тура, одержимая духом ревности, каждый день досаждала мужу и, сама чрезвычайно терзаясь чрезмерной сердечной тревогой, зачала скорбь, а родила беззаконие (ср. Вулг. Пс. 7:15). Посему она впала в гнусный порок отчаяния и, чудовищно презрев церковные таинства, устами кощунными многомерзко плюнула

на крест Господень. Госпожа Мария, услышав о том, вошла в дом отчаявшейся женщины, молвив нежным и смиренным голосом апостольское приветствие: «Мир Господа нашего Иисуса Христа дому сему!», а склонившись наземь помолиться, узнала, что несчастная та уже близка к смерти. Поднявшись с молитвы, Мария окропила святою водою вокруг и дом, и больную, хоть та и упорствовала [во грехе]. И как только бес был божественной силою изгнан, отчаявшаяся женщина, через обольщение лукавого лишившаяся надежды на спасение, вновь узрела свет веры, смиренно признала Творца своего, благоговейно поклонилась Кресту, с сокрушенным сердцем почтительно приняла церковные таинства и вскоре после этого под оружной защитой покаяния молитвами упомянутой Марии представилась к Господу.

[39] Некий человек из Тура, по имени Тевенин, поддавшись бесовскому обману, много раз пытался покончить с собой многоразличными способами, но, поскольку друзья останавливали его, он не мог довести сего злодеяния до конца. Чувствуя из-за этого негодование и исполненный сердечной горечи, он в дальнейшем отказался от пищи, намереваясь, поторопив смерть свою, принести себя в жертву бесам. Наконец, совсем ослабев от голода, он жалобно воскликнул: «Проклят я ныне и буду проклят; уже вижу адский огонь! Бесы, идите ко мне и заберите с собою меня, несчастного!» Мария посетила этого отчаявшегося и не оставляла его до самой кончины, и пока она уделяла ему спасительных поучений, он молча слушал её слова и прекращал кричать. Когда же она ненадолго отлучилась, вновь слышались его крики: «Возвратитесь, бесы, возвратитесь ко мне; что ж вы забыли о долге своём?!». Мария же, видя, что столь жуткое беснование привело всех окружающих в крайнее замешательство, попросила отвезти несчастного того в церковь Св. Марии Богатой, где при общем сборе его окропили святой водой. Тут же, как только крики прекратились, раздался страшно хриплый голос: «Тяжко мне очень, замучили вы меня совсем!» - и тотчас же, тихим голосом, он по наущению диавольскому отрёкся от Бога и святых, но не мог отречься от Преславной Девы. Верная Мария, заботясь о спасении отчаявшейся овечки, непрестанно молилась, и на молитвы её Всемогущий Господь ответил быстро и благосклонно. Посему несчастный тот, когда его уже считали погибшим, охрипший от долгого крика, воскликнул вдруг громким и приятным голосом: «Вижу образ славной Богородицы!» и тотчас добавил: «Исповеди, прошу исповеди, хочу исповедаться!.. А примет исповедь пускай монсьеор кюре Кляншер». И раскаяние его было настолько велико, что он прилюдно исповедался в своих грехах и не постыдился открыть даже тягчайшие. Итак, совершив таинства в церкви и огражденный латами покаяния, он благополучно пошёл путём всякой плоти. Но для того, чтобы не возникло никаких сомнений в спасении этого человека, Господь изволил явить знамения Своего милосердия на усопшем; ибо лицо и тело его, бывшие прежде, черны, как вороново крыло, вдруг совершенно побелели, и от плоти его исходило какое-то необыкновенное сияние. И дивились все, и говорили: «Надо же, повторилось древнее чудо Феофила!» (св. Феофил Кающийся, пам. 4 февр.; заключил договор с дьяволом, но раскаялся и по заступничеству Пресв. Богородицы освобожден от него. – прим. пер.)

[40] Из-за безмерной любви, что она питала к ближним, горячо жаждая их спасения, она усердно призывала мужчин и женщин к полноценной исповеди, дабы совершали

они её чистосердечно и без утайки, но, чтобы не воспрепятствовала им в том боязнь людская, или стыдливость, или же тяжесть проступков, она выпросила для таковых у Римской курии трёх- и четырёхлетние [отпущения] (по мнению болландистов здесь речь идёт об индульгенциях, позволяющих после исповеди в утаённых грехах вычесть из епитимии три-четыре года либо ограничивающих покаяние этим сроком. – прим. пер.), причём за каждого, как полагается, расплачивалась из милостыни, что ей подавали.

Любовь сей дамы к ближним непрестанно возрастала; так, она смиренно просила милостыню для неимущих отлученных, чтобы расплатиться за них и с Церковью, и с заимодавцами; а тех, кто по строгому приговору был изгнан в далёкий край, старалась вернуть к общению с верными, ибо по чрезвычайной любви страстно жаждала спасения душ и стремилась [также и этих отверженных] причастить и приобщить к благодатям Церкви. Например, воспламенившись ревностью веры, она с особенным воодушевлением уличала гадателей, святотатцев и других нечестивцев и просила учёных мужей осуждать их заблуждения в публичных проповедях, а помимо того кроткими увещаниями призывала осквернённых пороком таких заблуждений к покаянию (с исполнением серьёзных епитимий, вроде паломничества, аскетических практик и щедрых пожертвований. – прим. пер.), предваряемому добросовестной исповедью. И многие, слыша её слова, ради святости её жизни оставив свои заблуждения, каялись.

В то время в Туре жила некая старуха, строптивая вещунья по имени Филомена, которая не желала внимать благочестивым наставлениям сей дамы. Позвав к себе лектора обители Братьев меньших, госпожа Мария сказала: «Если эта женщина войдет в церковь, то не выйдет наружу, пока не покается и не исповедуется». Так и случилось; ибо когда сия ведьма (дословно «отравительница», – прим. пер.) вошла в церковь, то, взглянув на распятие, вдруг застонала, сказав: «Хочу исповедаться!» И исповедовавшись перед лектором, тотчас же отвергла и выбросила травы и порошки, иероглифы и прочие принадлежности ворожбы; и, покинув город, закончила дни свои в Анжу. («И понимая, что предстоит много вытерпеть от лукавого, она отправилась в Гре, где творила суровое покаяние, живя в нищете и исцеляя добрым жизненным примером соблазн, который принесла многим до своего обращения». – дополнение болландистов согласно Vita Gallica)

ГЛАВА VI. ПОМОЩЬ УЗНИКАМ, ОСУЖДЁННЫМ НА СМЕРТЬ, РОЖЕНИЦАМ И МЛАДЕНЦАМ. БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА МАРИИ

[41] Сия дама была так добра, что, блюдя обычаи вдовьи, постоянно навещала узников в темницах и утешала их, как мать, усердно принося им поесть. Она собственноручно стригла их, а чтобы не томились от скуки, часто читала им вслух жития святых и деяния праведных, чтобы вдохновить их мужественно переносить страдания, обещая им с твёрдой надеждой, что в ближайшем будущем явится им милость Божия и освободятся они из темницы, если твёрдо примут решение исправить нрав и жизнь да пребывать в мире с Богом. И правда, по её просьбам двери темниц споспешением Божиим многократно отворялись, и узники выходили на свободу целыми и невредимыми.

Сия Мария, Богу любезная, не вынося стенаний узников, смиренно просила французского короля Карла, который тогда находился в Туре, из любви к Спасителю, расторгшему узы смерти, по милости своей разрешить снять оковы с узников, коих держит в заключении, а в честь своего приезда осчастливить их полным освобождением. Добрый король, не сомневаясь в порядочности и доброте упомянутой Марии, всемилостиво согласился на её смиренные просьбы, отдав в её распоряжение всех узников, преступников и приговорённых к смерти. Вскоре после этого, в конце января, вышеназванный король отбыл в Париж. Однако то [помилование], которое он великодушно уделил, слуги его и подначальные постарались ограничить. Мария же отправилась в область Пуатье, не забывая об узниках, а постоянно молясь за них. И молитвы её услышал Господь: в праздник Пятидесятницы Он настезь распахнул ворота темниц, и узники свободно и спокойно сошлись в церковь св. Мартина. И таково было их спокойствие, что один из них вернулся в темницу, чтобы забрать свою книгу, по которой ежедневно читал Часы Пресвятой Богородице, а затем вернулся к своим товарищам в храм св. Мартина. Вот так силою Своею неодолимой Владыка царей земных (ср. Отк. 1:5) исполнил и намерение короля, и желание Марии.

[42] Пред очами духа сей доброй Марии то и дело всплывали сии слова: «Как овца, ведён был Он на заклание» (Деян. 8:32), и ещё: «Спасай взятых на смерть» (Прит. 24:11). По этой причине в ней развилась какая-то пронзительная жалость к тем, кого вели на позорную смерть, и ей удалось многих избавить от виселицы своими молитвами.

В Туре в субботу перед вербницей вели на виселицу некоего юношу, и встретила его Мария, выходящая из церкви Св. Марии Богатой. Увидев её, юноша, сидевший связанным в повозке, сказал: «Мадам де Сийе, не могли бы вы помолиться за меня?» Она тотчас же прониклась к нему какой-то острой жалостью и, немедля вернувшись в церковь, так горячо молилась о нём, что палачи не смогли подобрать подходящей лестницы: те, что были покороче, не доставали, а более длинные ломались. Между ними шёл яростный и затяжной спор, а бедный юноша тем временем оставался привязан к подножию виселицы, как дикий зверь. Так или иначе, на закате его в цепях вернули в темницу. Ну а в Вербное воскресенье и на неделе святая Мария так настроила каноников и судей св. Мартина, что они окончательно отменили столь позорную казнь и помиловали несчастного.

[43] Сия дама, следуя по стопам Матери Г. н. Иисуса Христа, выказывала искреннюю заботу о беременных, для многих своими горячими молитвами выпросила у Бога лёгкие роды, о чём уверенно рассказывают [испытавшие это на себе] женщины. Среди была и светлейшая сударыня Мария Бретонская, герцогиня Алансонская (дочь Жана V Храброго, герцога Бретонского, и жена Жана I д'Алансона. – прим. пер.), которая засвидетельствовала, что ей посчастливилось легко родить благодаря заступничеству упомянутой дамы.

Мария горько оплакивала мертворождённых детей и младенцев, умерших без крещения, зная, что они навсегда лишены блаженного видения, и поскольку она не радовалась гибели умирающих (ср. Прит. 11:10, Прем. 1:13), а плакала, Бог изволил дать ей некоторое о них утешение. Однажды в Туре несли крестить сына могущественного вельможи, а на церемонию была приглашена и госпожа Мария. В

церковь младенца доставили под покрывальцем, а когда его достали его из люльки, он был совершенно безгласен и даже не заплакал ни над купелью, ни прежде, из чего Мария уразумела, что он мёртв, и не могла не опечалиться до глубины сердца. Тогда она восскорбела духом (ср. Ин. 11:33), заплакала и взмолилась (ср. Тов. 3:1); и во время её молитвы ожившего мальчика крестили, и вернули его знатной матери, и жил он потом много лет.

Некая женщина в Анжу во время беременности умерла от болезни, и лежала дома, так и не произведя на свет ребёнка. На скорбные похороны позвали Марию, а она привела с собой рыцаря по имени Инель д'Альвагор, который, послушавшись уговоров Марии, вскрыл бок покойнице. Когда из чрева извлекли младенца, Мария омыла его, как принято, и очистила, и, взяв свежей воды, крестила его. Он тотчас же подал признаки жизни, ибо самостоятельно сложил крестообразно руки на груди и оказался живым, хотя прежде казался окружающим мёртвым. И немного погодя испустил дух. Друзья покойной матери радовались спасению малыша, и потому легче переносили плачевную пору.

[44] Сия Мария нежно любила невинных младенцев и грудных детей и питала к ним, казалось, материнскую жалость. В Страстную пятницу во францисканскую церковь Тура некий мужчина и его жена принесли своего ребёнка, завернутого в пелёнки. Дитя было при смерти, и его протянули упомянутой Марии, горячо умоляя помолиться о спасении малыша. Смиренная дама ласково посмотрела на ребенка и, дотронувшись до его головы, приподняла. И тотчас же, глядя на неё, ребёнок весело захлопал в ладоши, потому что не умел говорить, и засмеялся. И отнесли его в добром здравии обратно в дом, который незадолго перед тем он покинул, явно издавая предсмертные хрипы.

[45] Она Мария всегда была готова к благожелательному увещанию на всякое доброе дело. Так, во время гнуснейшего и чрезвычайно длительного раскола (Великой схизмы 1378 – 1417 гг. – прим. пер.) она устраивала в коллегиях [клириков], в монастырях и в скитах шествия и разного молебны и с просьбою к Богу об устройении единства и мира в христианской Церкви, побуждая весь народ молиться за вышесказанное. Причём святейшими своими речами она усердно наставляла на путь спасения людей обоих полов и всякого возраста; даже детей приучила восхвалять Творца, так что, где бы она ни проходила, они встречали её рукоплесканиями и словами: «Хвала Господу Богу нашему!», и преклоняли колени. А лопочущие малыши, ещё не умеющие толком выговаривать слова, замечая её издали, силились что-то промолвить и кричали: «Халя, халя!».

Поистине, никто сильнее её не алкал хвалы Творца, ведь она не только людей призвала восхвалять Его, но даже пташек и неразумных существ. Однажды, когда она пребывала в часовне Пресвятой Девы в Плянш-де-Во, попала ей на глаза сорока; и вдруг Мария, возревновав о том, что Божие (ср. Мф. 16:23), заговорила с нею, сказав: «Хвала Богу!», и повторила сие много раз. А птичка та двигала головой, вглядываясь в говорившую, и следовала за нею туда-сюда, и своей трескотнёй пыталась воспроизвести сказанные слова. Дивное дело! Та сорока попеременно с другими птицами летала в лес и снова возвращалась к баронессе. Вот как Мария на разные лады воодушевляла верных на восхваление Создателя.

[46] Слова сей святой женщины были благоугодны и великим, и средним, и меньшим, а помышление сердца её – всегда перед Господом (ср. Вульг. Пс. 18:15). Ибо ведь ежедневно, когда во время размышления её разгорался огонь, перед очами духа её вставляли славные страсти и драгоценная смерть святых; и потому она сверх всякой меры томилась желанием мученичества. Случилось однажды, что она вспомнила о побивании камнями Первомученика Стефана и пожелала, коль то будет угодно будет Творцу, подобным же образом окончить жизнь свою. И тогда вдруг явились невидимые камнеметатели, которые так долго мучили её бесчисленными ударами, что из-за чрезмерной боли она обливалась потом вместо крови и, казалось, вот-вот умрёт. Произошло это в церкви св. Иакова в деревне под названием Шато-д'Эро.

Итак, заслуженно подобает ей радоваться со святыми и быть причастницею славы, ибо при жизни она всем сердцем своим жаждала разделить мучения оных святых.

[47] В год же от Воплощения Господня 1413-й (по нынешнему счёту 1414-й, поскольку с XII до XVI вв. новый год отсчитывали от Пасхи. – прим. пер.) 28 марта месяца, в среду, между первым и вторым часами пополудни, в 5 день до апрельских календ, перед Вербным воскресеньем, после праздника Благовещения Господня прославленная баронесса, совершившая неисчислимое множество благих дел, после трудов и тягот сей убогой жизни, поправ и оборов князя тьмы, в лавровом венце чистоты, а сверх того – славной победы, блаженно преставилась ко Христу, получив от Него награду вечную, которой всегда желала и ради которой так мужественно ратоборствовала с врагом во всегдашней уверенности в славной победе над любыми возможными соблазнами. А когда душа покинула тело, обнаружили на ней узкий шнур, очень плотно усеянный узелками, и из-за того, что она была очень туго им препоясана, отпечатки и следы узловатого шнура виднелись на красной борозде в плоти.

[48] Но тотчас же после того тело упомянутой дамы было чудесным образом омоложено Богом, и появилось на нём знамения святости, как бы предвосхищая грядущее воскресение и обновление юности (ср. Пс. 102:5). И было видно, что тело её было чистым, белым, как алебастр и слоновая кость, и что оно было подобно телу молодой девушки; все члены вновь приобрели очертания, как в юности, без каких-либо наплывов и дряблости; девственная преграда оказалась целой, невредимой и нетронутой. И все, видевшие сию покойницу, дивились, признавая величайшим чудом то, что женщина восьмидесяти двух лет станом, очертаниями и наружностью выглядела, как юная дева, тем более что она в течение жизни своей усмирляла себя покаянными подвигами и изнуряла плоть. А свидетельствуют о том многие заслуживающие доверия свидетели, что сие видели и осязали. Впрочем, неудивительно, что невредимую оказалась дева, которой Господь уделил такую милость, что супруга соделал свидетелем и даже блюстителем её девства.

А в следующий четверг после полудня она была похоронена в облачении клариссинки в турецкой церкви Братьев меньших перед главным алтарём названной церкви. В ней она жила почти постоянно с пятидесяти пяти лет и до года восемьдесят второго, последнего в своей жизни; и до сего дня почти неисчислимыми

исцелениями, знамениями и чудесами преславно сияет на хвалу Господу нашему Иисусу Христу, Коему хвала и слава со Отцем и Святым Духом, и со всем небесным и торжествующим сонмом во веки веков. Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США: PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW